

ТИПЫ «СХЕМ ДЕЙСТВОВАНИЯ» ПРИ ПОНИМАНИИ ФИЛОСОФСКОГО ТЕКСТА

Карагёзиду Д.Г.

ННОУ ВПО «Институт Дружбы народов Кавказа», Ставрополь, Россия (355008, г. Ставрополь, проспект К. Маркса, 7), e-mail: diana19771008@rambler.ru

Целью данного исследования является анализ феномена схематизированного действия с текстом в процессе понимания смысла в текстах философского дискурса. Анализируются возможности выстраивания «схем действия», на основе экзистенциалистских и аналитических текстов Мартина Хайдеггера и Альбера Фабри. Легитимизируется использование «схем действия» реципиента в полихронотопном пространстве философского дискурса. Трансцендентный смысл в процессе восприятия философского дискурса подвергается дезобъективизации, с определенными свойствами, и «индивидуальными» концептуальными характеристиками, т.е. то, что у индивида/ рецептора соответствует концепту. Применение феноменологической рефлексии по «схемам» структурирует и позволяет прогнозировать процесс распределения граней смысла философского конструкта. В статье рассматриваются кванты понимания и декодирования смысла текста как многоуровневой и иерархической структуры, обсуждаются механизмы смыслодекодирования и восприятия.

Ключевые слова и фразы: герменевтическое понимание, внутренняя форма слова, «схемы действия», философский дискурс, смыслопорождение, феноменологическая рефлексия.

“SCHEME OF ACTING” TYPES WITHIN PHILOSOPHICAL TEXT UNDERSTANDING

Karagiozidou D.G.¹

¹People's Friendship Institute of the Caucasus, Stavropol, Russia (355008, Stavropol, K. Marx ave. 7, e-mail: diana19771008@rambler.ru

The aim of this study is to analyze the phenomenon of schematized acting in text reality in the process of sense reception and understanding in the texts of philosophical discourse. Examples of each forming type of "schemes of acting" on the basis of Martin Heidegger's existential texts and analytical texts of Albert Fabri are analyzed. Producers "Schemes of acting" within polychronotopical space of philosophical discourse are legitimized. Transcendental sense is disobjectivized within the process of philosophical text reception with the certain features, and "individual" conceptual characteristics, i.e. that this features correspond with receptor's concept. The application of phenomenological reflection according to "schemes" structures and allows to predict the sense edges desobjectivation of the philosophical discourse. The units of understanding and decoding of the text sense as the multilevel and hierarchy structure within the context of philosophical discourse are viewed in the article; the mechanism of the sense decoding and reception is discussed.

Keywords: hermeneutical conception, word's inner form, «schemes of acting», philosophical discourse, sense derivation, phenomenological reflection.

Смыслодекодирование в философском тексте является распределением вербальных средств с целью вскрытия «объективного авторского смысла». «Невозможность или принципиальная непостижимость авторского смысла является симулякром обыденного восприятия. В рамках филологической феноменологической герменевтики с учетом всех метаединиц понимания работа со смыслами раскрывает всю многогранность конструктов, вводит их в сферу по-мысливаемого. Все имманентное содержание прецедентного текста может имплицировать смысл важнейших для конкретной лингвокультуры понятий» [2, с. 102]. Осознание и построение смысла с определенными характеристиками одним продуцентом может найти применение в смыслопостроении другого продуцента, концептуализироваться, терминизироваться и т.п. Это является intersubjectивностью процессов смыслопорождения. «Философия представляет собой особый вид метанаучного

дискурса, вербализующего рефлексию над онтологическим и собственно вербализацию суждений об этом онтологическом, она представляет собой трансцендирующее мышление, при подобном подходе к феномену философствования необходимо предполагается трансцендирующая вербализация, фиксирующая определенные отрезки объективной реальности, области рефлексии, но и распредмечивающая смыслы, освобождающая бытие от пространства текстовой реальности, деструктурирующая дискурс» [3, с. 234].

При восприятии нового неузуального смысла реципиент учитывает или же делает такую попытку учесть возможности дальнейшего развертывания граней воспринимаемого смысла или тип прогностического понимания текста. В большинстве своем реципиент философского текста осознанно или неосознанно опирается на феноменологическую рефлексию как основу именно герменевтического понимания

Адаптационные возможности реципиента при смыслодекодировании выстраивают определенные «схемы действия», раскрываемые в процессе про-чтения, однако прогнозирование, заложенное в них, не может дать полного герменевтического понимания при непосредственном усвоении их. Конкретная схема предоставляет возможность осмысления определенной грани или элементарного опредмеченного смысла; без рефлексии над самими «схемами действия», усмотрения в них метаединиц и элементов построения метаединиц, на уровень герменевтического понимания выйти невозможно. Нельзя переоценивать и слепо следовать категоризирующим схемам в распредмечивании смысла текста, усмотренные реципиентом общие «схемы действия» не ведут к автоматическому усмотрению всех граней смысла.

Построение на основе метаединиц общих схем играет роль ограничения в понимании, это барьеры для реципиента, определяющие сферу бытования смыслов той или иной областью, иначе процесс развертывания многомерного смысла и выстраивания все новых и новых рефлексивных актов превратится в бесконечно расширяющуюся вселенную. Но восприятие тех или иных системных элементов, актуализированных в тексте, объективно необходимо, так, ценитель искусства воспринимает только отдельные элементы картины [5, с. 51]. Структурные мельчайшие элементы смысла, релевантные для осознания грани в данной конкретной ситуации семиозиса, воспринимаются и подвергаются категоризации, формируя узловые элементы – метаединицы, которые в свою очередь составляют общие «схемы действия». Универсализация «схем действия» и огульное применение их к производству и пониманию многомерного смысла в первом случае дает новую деривационную модель, а во втором зачастую неадекватные результаты, укоренение привычки в процессе смыслопорождения являет собой смерть рефлексии, а значит, заостенение в когнитивной сфере. «При многоуровневости смысла неизбежна

многозначность языковых единиц, и каждый реципиент выбирает то или иное значение при встрече с той или иной многозначной языковой единицей. Этот выбор и есть то, что приводит к отказу от объективности декодируемого, универсальности порождённого, это даёт нам личность, индивидуальность актов смыслопорождения и смыслодекодирования» [1].

Рассмотрим, например, ход понимания высказывания в узусе, довлеющем как определенная «схема действия», и нетривиальное использование схем предикации в философском дискурсе. При этом мы сталкиваемся с проблемой того, насколько субъектно-предикатная структура высказывания соответствует определенному типу семантического мышления, насколько узки или широки границы мышления, устанавливаемые языковой предикацией данного рода. На примере пассажа М. Хайдеггера об идентичности ясно видно, каким образом по-мыслимое в состоянии описать явление само по себе. Для того чтобы говорить о распрямлении феномена, вербализованного смыслового суперконструкта, противопоставить его простому декодированию на уровне интуиции, отражению объективной реальности, в этой ситуации важно прояснить структурные элементы, категоризовать их на луче феноменологической рефлексии в определенные метаединицы и выстроить общую структурную схему операций (алгоритм декодирования смысла), а затем опосредованно представить его. Здесь речь идёт, скорее, о структуре высказывания, о высказывании действительности и об афотическом *als*, о чём говорит Хайдеггер в своей работе «*Vom Wesenden Grundes*». Это *ως*- и *είμαι-έκφραση* является одним и тем же.

В основе каждого повествовательного предложения лежит *είμαι*. Йоханес Луманн попытался исследовать различные языки и типы языков именно в этой связи и попытался установить, насколько велика разница между субъектом и предикатом, которая и обуславливает это *είμαι*, выражаемое в формальных отношениях. Различную градацию ясности этой разницы от легко замечаемых метасвязей в западноевропейских языках до их сокрытия Луманн показал в своих работах.

Уже по этим фактам Вальтер Брёкер мог утверждать, что Хайдеггер не опирается на действительность высказывания и западную логику, чего и можно было ожидать, рассматривая его работы. Логика занимается общими структурами предложения, когда Брёкер пишет *das ως ist das Urlogische* (*ως есть нечто дологическое*), он стоит на позициях общей идеальной логики Гуссерля, которая в этой форме уже основывается на результатах языкознания. Именно желание логики наивно абстрагироваться от структуры греческого повествовательного предложения и, так сказать, дистиллировать некие понятия о действительности хотел показать Хайдеггер посредством указания на разнообразность *ως*, с одной стороны, и теоретическим подходом к явлениям, с другой.

Однако распредмечивание, как мы полагаем, происходит не так: *Die Logische Struktur αείμαι βistdieselbe, magesein Dingsein oderein Zeug, undmag Peine Eigenschaftsein odereine Bewandtnis. Unddasως (das 'είμαι') hatinbeiden Fällendieselbe Funktion der Subsumtion des Gegenstandesunter den Begriff.* – Логическая структура формулы « α есть β « является тождественной вне зависимости от того, о чем идет речь, о предмете или явлении, и является ли P свойством или условием. Да и ως в обоих случаях несет функцию субсумации (подчинения) предметности понятийности. Суть *Umsicht* и *besorgenden Umgangs* в подобном же высказывании в «Бытии и Времени» уже разбавляется посредством того, что Брёкер снова выходит за пределы повествовательного предложения и позже анализирует его в формальной логике, в то время как *Dasein* этого высказывания у Хайдеггера даже не описано в общих чертах и не представляет общей «схемы действия». Позже становится ясным, что Хайдеггер поддерживает формально-логическую позицию в том, что вопрос о *είμαι* является вопросом о форме действительности, типе рефлексивного взаимодействия с миром, которая затем полностью раскрывается в опредмечивании смысла.

Это ясно проявляется на примере различных языковых признаков. Хайдеггеровское нежелание строить определение, использование различных образных выражений, его обращение к словам, называющим вещи в себе, его использование слов с семантикой группы *να, κράτος, ύλαρξη*, репрезентация категориальных признаков когнитивной деятельности в форме вопросов и отрицаний – всё это пути, которые позволяют избежать нормальной предикации с её внутренними особенностями, прогнозирующими узальное понимание на последующих этапах восприятия текста.

В философских текстах, содержащих греческие включения, феноменологическая рефлексия позволяет производить распредмечивание некоего феномена именно с учетом динамики метаединиц и неустойчивости «схем действия» без использования *είμαι* - предикации. Таким образом, подобное узальное средство построения высказывания не является единственно возможной формой вербализации и девербализации утверждения о фактах действительности. Неумолимое влияние языковой нормы, с одной стороны, стоящей на службе смыслодекодирования, а с другой – ограничивающей наши возможности в распредмечивании многомерного смысла, проявляется в каждой схематизации, категоризации и т.д. А потому возможности понимания на основе герменевтического подхода более присущи философскому тексту.

Альбрехт Фабри добавил несколько довольно ярких афоризмов к уже известной фразе: *Aroseisarose, isarose, isarose, isarose...* Давайте попробуем рассмотреть этот пример: *Ist die Rose in diesem Vers der Gertrude Stein aber nicht schöner, als wenn man sie schön nennt? Sofern etwas κατανόηση, etwas als etwas anders αντίληψη heißt, heißt die Rose als Rose αντίληψη,*

*sie eben nicht **κατανόηση**. Und das leistet die Tautologie als die emphatische Weigerung, zu definieren. In der Definition geht das Definierte unter; Definition ist immer ein wenig Synonym von **θάνατος** [7, с. 76]. – Не кажется лирозаданной строфе Гертруды Штайн более прекрасной, если её просто назвать прекрасной? До тех пор, пока **κατανόηση** (понимание) чего-либо будет процессом **αντίληψη** (понимания) этого как чего-то еще (определение одного через определение другого), то **αντίληψη** (понимание) феномена РОЗА как розы будет, по сути, не **κατανόηση** (пониманием). И это позволит определить тавтологию лишь как эмфатический повтор. В определении определяемое нивелируется, дефиниция всегда есть синоним **θάνατος** (смерти). Встает вопрос: а смерти чего? Очевидно, определение и привязывание к строгим неизблемым схемам (т.е. фреймам) есть смерть рефлексии феноменологической, это конец герменевтического понимания и распрямления, но для понимания схемы как динамики необходимо не «рассмотрения языка как абстрактной сущности, вне связи естественного языка и естественной социальной истории, феноменологии, когнитивистики и герменевтики <...> а преодоление разрыва между вышеупомянутыми модусами рассмотрения проблемы, что предполагает некий контаминированный подход» [4].*

При истинном понимании как оперировании определенным набором трансформаций суперструктуры смысла необходимы метасвязи – переходы от одной грани смысла к другой, дающие возможность всеобъемлющего восприятия. А это есть «процедуры рефлексивных актов – обращение к той или иной зоне рефлексивной реальности, что рождает определенную систему порождения в отличие от абсолютизации субъективного понимания и универсализации одной из схем, рассматривающих одну грань» [2]. Нужно разграничивать отдельные элементы в структуре метаединиц, прогнозировать структуру производимой схемы, понимать грани смысла и актуализировать скрытые потенции, это вынужденный схематизм действия. Динамические схемы порождения, структурированные из метаединиц и соотносимые с элементарными смыслами, являются результатом объединения и органичного синтеза этих элементов в единое целое. Подобные динамические «схемы действия» при восприятии высказывания являются главной страховкой от ситуации, когда реципиент «принимает одно из имеющихся системных представлений объекта за исходное и уже одним этим закрывает себе дорогу к выяснению действительной системы объекта» [6, с. 93].

Структурирование самого процесса смыслодекодирования есть его дезобъективация продуцентом. По замечанию Г. П. Щедровицкого, «структура объекта должна быть каким-то образом представлена в изображении еще до того, как мы начнем работу по перестройке и синтезу имеющихся знаний» [6, с. 89–90]. Направленность понимающей смысл рефлексии является определяющей доминантой, каждая метаединица есть символ всего понимаемого

объекта, а значит, способ построения метаединицы определяется типом организации рефлексии, каждый конкретный рефлексивный акт репрезентирует феномен, стоящий в определенном отношении к *по-нимаемому* объекту, к объективно данному общему смыслу. В подобной ситуации необходимо четко представлять количество рапредмечиваемых граней смысла как продукта мыследеятельности, не тождественного объекту реальности. Целесообразным является разграничение и осознание, а значит, и интенциональное употребление следующих актов в процессе смысловосприятия по С.Н. Бредихину:

- 1) определение сферы рефлексивной деятельности для каждого из актов распремечивания смысла в процессах понимания (семантизирующего, когнитивного, распремечивающего);
- 2) в результате какого типа рефлексии происходит обращение к опыту в рефлексивной реальности;
- 3) определение ценности рефлексивной деятельности для самого реципиента текста [4].

Не только при герменевтическом, но при семантизирующем понимании узловых элементов суперконструкта смысла возникают преграды, стимулирующие феноменологическую рефлексю (узнавание актуализированных ноем в конкретной ситуации семиозиса). В сфере когнитивного понимания происходит уже обращение к конкретной области рефлексивной реальности. Хьюз приводит в своей работе следующие стратегии когнитивного понимания: предикативное понимание – понимание на уровне прогнозирования развития текстовой реальности); ретроспективное понимание (понимание объекта); «улавливающее» понимание (понимание главной идеи текста); конструктивное понимание (преодоление преград в понимании); инференциальное понимание (понимание для собственного производства) [8].

Данная классификация стратегий распремечивания смыслов построена на основе критерия «реализация роли реципиента», которая и будет являться центральным схемообразующим элементом. Принимая за основу другую метаединицу, можно разработать иную классификацию, однако, как мы уже упоминали, универсализация той или иной метаединицы как «схемы действия» приводит к абсолютизации определенной схемы в порождении и сужает границы порождения. Избежать этого опять-таки помогает задействование всех типов рефлексии, фиксируемой во всех поясах мыследеятельности.

В качестве примера можно привести образцы развертывания многомерного смысла в герменевтическом круге понимания. Переход от одного антиномичного члена в высказывании к другому, наряду с герменевтическим кругом, представляет возможность порождения многомерного смысла на третьем уровне абстракции, создавая «схему действия» с главным элементом «осознание на новом витке тема-рематиического

развертывания». Хайдеггер рассматривает языковые единства в подобном метасредстве в связи с объяснением металогического способа выражения. *Αθανατοι θνητοι, θνητοι αθανατοι, ξωτες του εκειων θανατου, τον δε εκειων βιον τε θνεων τε* (бессмертное смертно, – мертва). – *Sicherlich, wenn wir's rechter messen, sehen wir ein, daß Vernichtung nichts anders als Erzeugung und Erzeugung nichts anders als Vernichtung ist. Liebe ist letztlich ein Haßen, Haßen ein Lieben.*

Элементами в метасредстве как универсальной методике узнавания, описания средств опредмечивания текстовых содержаний являются антиномическое противоречие и герменевтический круг, лежащий в основе высказывания. Особая структурная часть метаединиц дает возможность осознания объектов в структуре смысла, которые встраиваются в пояс чистого мышления вне вербализации, в данном случае в качестве примера может служить критерий «истинности/ложности» сообщения. В данном случае метаединицы «схем действия» выступают в когнитивно-валерном поле продуцента как детерминанты ценности. Мы наблюдаем категориальную оценку «усмотрения истинности/ложности» без эмоциональной оценки, но выступающую как метасредство «единства», «ограниченности», «повторяемости» зависящее от формы текстовой репрезентации. Но данные метасредства уже фиксируются в поясе мысли-коммуникации. «Подобное рассмотрение и определение смыслообразующих доминант как суперструктуры чрезвычайно важно: именно благодаря восстановлению иерархической нозматической структуры при феноменологической или нозматической рефлексии становится возможным само отождествление понимающего и познающего в структуре деривационного акта, разумеется в дискурсе понимаемом не как некоем знаке, но как системе для производства знаков» [4].

В процессе переразложения и декодирования смысла высказывания происходит осознание по мере усмотрения все новых и новых граней структуры, встраивающих объект понимания и повторного распредмечивания смысла, на каждом новом витке герменевтического понимания выступают все новые метаединицы, развертывая динамические «схемы действия» реципиента по пониманию высказывания.

Список литературы

1. Бредихин С.Н. Принципы и условия наличия и формирования смысла (смыслорождающие механизмы) // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.science-education.ru/107-8484.

2. Бредихин С.Н. Ноэматическая иерархия философского текста в аспекте смыслопорождения и интерпретации: монография. – Ставрополь: РИО ИДНК, 2014. – 392 с.
3. Бредихин С.Н. Проблема индивидуального языка философского дискурса // Фундаментальные исследования. – 2014. – № 5–2. – С. 433-437.
4. Бредихин С.Н. Иерархическая ноэматическая суперструктура vs. фрейм в смыслопорождении концептуальных понятий // Гуманитарные и социальные науки. – 2013. – № 2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://hses-online.ru/2013/02/10_02_19/13.pdf
5. Дадамян Г.Г., Дондурей Д.Б. Опыт теоретического построения типов зрительского восприятия и понимания изобразительного искусства // Советское искусствознание. – 1978. – Вып.1. – М., 1979. – С.41-72.
6. Щедровицкий Г.П. Синтез знаний: Проблемы и методы. На пути к теории научного знания. – М., 1984. – 132 с.
7. Fabri A. Der rote Faden. Essays. – München: P.List, 1958. – 119 S.
8. Hughes G. Aspects of listening comprehension // Audio-Visual Language Journal. – 1974. – Vol. 12. – № 2.

Рецензенты:

Манаенко Г.Н., д.фил.н., профессор, профессор кафедры русского языка Гуманитарного института ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь;

Бредихин С.Н., д.фил.н., доцент, доцент кафедры теории и практики перевода Гуманитарного института ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь.